

УДК 821.161.1
ББК Ш33(2=411.2)6

С.В. СТАРИКОВ

**РЕВОЛЮЦИЯ 1905–1907 ГОДОВ
В ОЦЕНКАХ РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ А.А. ТИХОНОВА-ЛУГОВОГО
(по материалам «Дневника свободного человека»
и литературных произведений)**

Ключевые слова: революция, писатель, общественное движение, император, Россия, манифест, власть, общество.

Отношение русской писательской интеллигенции к революционным событиям в России в начале XX в. остается актуальной проблемой российской историографии. Во многом это связано с вовлечением в научный оборот новых историко-литературных материалов, воспоминаний, свидетельств, позволяющих более обстоятельно рассмотреть диапазон мнений, оценок русских писателей о революционных процессах в стране.

Цель исследования – изучение взглядов и оценок на события Первой русской революции 1905–1907 гг. русского писателя А.А. Тихонова-Лугового на основе написанных им «Дневника свободного человека» и ряда литературных произведений, отражавших особенности и специфику той революционной эпохи.

Материалы и методы. Источниками послужили публикации писателя начала XX в., прежде всего изданный им единственный номер литературно-публицистического сборника «Маяк», где был опубликован «Дневник свободного человека», а также драматическая поэма в стихах «Максимилиан – император мексиканский» и ряд литературных произведений писателя. Основными методами стали историзм, объективность, анализ и синтез материалов из литературных источников и публицистики.

Результаты исследования. Русская писательская интеллигенция всегда откликнулась на происходящие в стране события. При этом русские писатели стремились постичь внутренние истоки и причины событий и процессов, психологическую и нравственную подоплёку принятия решений, позиций власти и общественных сил. А.А. Тихонов-Луговой отличался тем, что в своём творчестве как никто другой стремился определить глубинные социально-психологические характеристики «героев освободительного движения» и один из немногих предупредил о том, что бескомпромиссная борьба власти и общественного движения может привести страну к катастрофе. Писатель призывал к диалогу между властью и обществом. В умении общественных сил поддержать прогрессивную волю императора и постепенно обустроить Россию на благо и государства, и общества он видел залог дальнейшего благополучного и прогрессивного развития страны.

Выводы. Несмотря на здравые позиции ряда общественных деятелей, включая русскую писательскую интеллигенцию, вектор общественного движения склонялся к резкому противостоянию власти и «освободительного движения», что в конечном счете привело страну к революции.

Введение. В отечественной историографии роли и значению писательской интеллигенции в общественном движении в России в начале XX в. отводится крайне незначительное место. Однако уже тогда в литературе, публицистике не только ставились и обсуждались многие аспекты общественно-политической борьбы на рубеже XIX–XX вв., но и звучали призывы избежать революционного насилия, найти рациональные пути взаимодействия разных течений, организаций, партий, общественного движения во имя России, её будущего, её народов. К когорте таких деятелей принадлежал русский писатель А.А. Тихонов-Луговой. Его творчество было забыто после революции 1917–1918 гг. и сегодня вновь возвращается к нам. За последние 15 лет появились первые монографические исследования его творчества [8, 9], хотя общественно-политическая сторона его деятельности пока не стала предметом изучения.

Целью исследования является изучение взглядов и оценок на события Первой русской революции 1905–1907 гг. русского писателя А.А. Тихонова-Лугового на основе написанных им «Дневника свободного человека» и ряда литературных произведений, отразивших особенности и специфику той революционной эпохи.

Материалы и методы. Источниками для данной статьи стали литературно-публицистические заметки писателя, в том числе «Дневник свободного человека», некоторые его литературные произведения, написанные в годы Первой русской революции, а также отзывы и заметки литературных критиков, писателей, представителей русской общественности на высказывания и предложения А.А. Тихонова-Лугового.

Результаты исследования. Алексей Алексеевич Тихонов-Луговой (1853–1914) был известным русским писателем конца XIX – начала XX в. Уроженец города Варнавина Костромской губернии, детские и юношеские годы будущий писатель провел в городе Царевококшайске Казанской губернии, где его отец владел винокурным заводом в 1860 – начале 1870-х гг. Получив прекрасное домашнее образование и большое наследство от отца, Алексей Луговой (таким псевдонимом он подписывал свои произведения) оставил предпринимательскую деятельность и уехал в Санкт-Петербург, чтобы попробовать себя на поприще литературного труда. Он писал стихи, драматические произведения, повести, рассказы. Писательское признание пришло к нему в начале 1890-х гг. Он стал писателем большого таланта, всегда стремился постичь сложные струны психологии человека, понять мотивы его поступков, был истинным патриотом своего Отечества, свидетелем многих событий на переломе двух столетий, когда Российская империя переживала сложные времена, вступая в новую эпоху.

События Первой русской революции 1905–1907 гг. не оставили писателя равнодушным. В январе 1905 г. он жил в Петербурге и был очевидцем событий 9 января. В своих заметках, особенно в «Дневнике свободного человека», опубликованном в сборнике «Маяк» (1906 г.), он отозвался о них, как о сложном периоде в жизни страны. В политику он не вмешивался. В поисках истины и правды, независимых от политических предубеждений и толкований, он прошел тернистый путь, и всё его творчество проникнуто этими поисками. В это время он напряженно работал над своей объёмной политической трагедией в стихах «Максимилиан – император мексиканский», поскольку события в этой стране очень перекликались с обстановкой в России. А. Луговой горел желанием представить свой труд русской общественности в целях анализа обстановки и учета уроков политической борьбы и общественного движения в ближайшем будущем.

В своей трагедии об императоре Максимилиане Луговой видел если не идеального правителя, то такого главу государства, который учитывал интересы своих граждан, разных политических сил, стремился быть справедливым, не допускать противостояния и войны, анархии и диктатуры. Наделяя своего героя, Максимилиана, этими ценностными принципами, Луговой вкладывает в его уста такое заключение:

«Республику я уважать готов,
Пока ещё республика она,
А не анархия. Но для меня
Республика, какая-б ни была,
Всегда подобна Вавилонской башне:
Придет пора, строители её

Вдруг перестанут понимать друг друга
И разбредутся врозь. Потом наступит
Анархия, и кончится всё тем,
Чем уж сто раз кончалось: диктатурой
Иль теократией. По мне-ж,
Монархия – единственная форма
Правления, к которой все народы
Должны прийти в конце концов. Она,
На самых низших ступенях культуры,
В быту патриархальном возникает,
Она-ж цивилизации вершину
В веках ещё грядущих увенчает» [3. С. 81].

На претензии мексиканца Терана о том, что его стране нужна свобода и независимость, император Максимилиан ответил:

«Монархия вам даст и то, и это.
Синонимы монархия с свободой,
Как я, по-своему, их понимаю...
Но я, конечно, разумею здесь
Монарха идеального на троне.
Я идеальную республику –
Утопией считаю; а монархи
Стать идеалами, конечно, могут –
Их положение им даёт возможность
Действительно святыми быть, как боги» [3. С. 83].

Конечно, подобная гармония пока не достижима, но нужно к ней стремиться. Максимилиан заявил, что он вовсе не противник конституций и готов дать Мексике самую «либеральнейшую» конституцию и стать её гарантом. И даже если:

«По правде, наш парламентский режим
Немного на качель походит, где,
Поочередно, партии то вниз,
Спускаются, то вверх опять взлетают.
Но это не беда, когда качель
Подвешена на перекладине
Надёжного и честного закона.
И я своей задачей поставил
Дать Мексике законы лучшие,
Какие только есть иль прежде были
У самых просвещённых народов...» [3. С. 84].

Император Максимилиан процарствовал в Мексике три года и семь дней. В 1867 г. он был расстрелян по приказанию президента Мексиканской республики Бенито Хуареса. В предисловии к своей политической трагедии А. Луговой писал, что сегодня Европа подзабыла это событие. Он отметил, что большое влияние на него произвела картина французского художника Ж.П. Лоранса «Последние минуты императора Максимилиана в Керетаро», экспонировавшаяся на выставке французских художников в 1880-е гг. Эта картина была куплена П.М. Третьяковым для своей галереи. В начале XX в. она часто воспроизводилась на почтовых открытках. «Когда я увидел эту картину на выставке, в памяти воскресло всё, что мне приходилось слышать в мои юношеские годы,

вспомнилось всё, что волновало тогда наше общество...» [3. С. 87]. Эта картина, по выражению Лугового, «навела меня на мысль изобразить в драматической форме эту мексиканскую трагедию». Он стал собирать исторический материал. «Я убеждался, – писал Луговой, – что это не просто интересный драматический сюжет, – это богатейшая канва, драгоценнейший материал для разработки вечных вопросов, «проклятых вопросов», волнующих всё человечество с древнейших времён и до наших дней, вопросов, которые для многих, вероятно, ещё долго останутся нерешёнными» [3. С. 6–7]. В произведении ожидалось около 30 отдельных действий и около 140 действующих лиц. В сборнике «Маяк» была опубликована лишь малая часть трагедии – два действия. При этом Луговой подчеркивал, что он писал своё произведение «с чисто художественной объективностью, с беспристрастием художника, которому одинаково дороги и император Максимилиан, и президент республики Хуарес» [3. С. 7]. Луговой признавался: «Я положил на неё два года непрерывного труда» [5. С. 117]. Максимилиан погиб потому, как считал Луговой, что принял на себя благородную, но самую опасную, самую невыгодную роль – примирителя всех партий. Он был монархом по титулу и республиканцем в своих действиях. Эта трагедия так и не была полностью напечатана.

События в далекой Мексике были действительно созвучны с положением в России, где шла острая борьба оппозиционных сил общественного движения с императорской властью, исход которой также трудно было предвидеть. Однако Луговой, оценивая реформаторскую деятельность императора Николая II, в том числе его политические шаги в 1905–1906 гг., отчетливо осознавал их значимость в постепенной мирной и эволюционной трансформации России к парламентаризму с сильной центральной властью. Это был шанс, который Россия не должна была упустить. В этом смысле деятельность императора Максимилиана и российского самодержца в чём-то перекликались. Наверное, именно поэтому Луговой столько сил приложил к этому произведению, чтобы достучаться до русских сердец в период революционной смуты. Но компромисса во имя России не состоялось. Более того, пропасть между властью и общественно-политическими силами только углублялась. Россия – страна крайностей – двигалась к революции. Мысли и образы, высказанные в политической трагедии Лугового, оказались весьма пророческими. Судьба последнего российского императора также оказалась трагической, а Россия оказалась свергнута в бездну Гражданской войны.

Трагедию Лугового высоко оценил писатель и литературный критик Е.А. Ляцкий, отметив, что он работал над ней «с необыкновенным воодушевлением, с глубоким и вдумчивым изучением исторического материала». Живой язык, умелая постановка сюжетной канвы, наличие сильных сцен отличали эту драму в стихах Лугового. Правда, по мнению Е.А. Ляцкого, трагедия появилась не совсем вовремя – в разгар «размаха освободительной борьбы». В 1906 г. на трагедию общество не обратило надлежащего внимания [7. С. 258–254]. О многолетней работе А. Лугового над поэтической драмой свидетельствовал искусствовед И.Э. Грабарь, отмечая, что писатель не раз делился с ним её содержанием и рассказывал о новых задуманных им сценах. Закончив поэму, Луговой собрал всех главных театральных деятелей, членов театрального комитета, своих друзей и устроил читку. Однако на многих эта трагедия, по мнению Грабаря, не произвела «того потрясающего впечатления, на которое рассчитывал сам автор». Выступавшие не знали, что сказать, и поэтому ограничились классическим в таких случаях выражением «с одной стороны – с другой стороны».

Фактически они не вникли в глубинную идею произведения. Правда, Грабарь заметил, что «сочувствие автора лежало определённно на стороне Максимилиана» [2. С. 110].

В «Дневнике свободного человека» Луговой подробно описывает свои впечатления о дне 9 января 1905 г. в Петербурге. Он всё хотел увидеть своими глазами. Накануне, пишет он, в городе многие знали, что готовится шествие рабочих к Зимнему дворцу. Известно было и то, что шествию хотят преградить дорогу войска. На всех улицах были расклеены объявления градоначальства о возможных последствиях этой акции, предлагалось не примыкать к толпе. Но все проявляли любопытство и не обращали внимание на эти предупреждения. «Была уверенность в мирном характере демонстрации, – свидетельствовал Луговой, – верилось и в её благополучный исход» [4. С. 196].

Однако писатель с супругой выехали из дома только в два часа дня и, проезжая по центру города, по Литейному и Невскому проспектам, заметили только у Мариинской больницы толпы людей, которые говорили о раненых; мужчин, одетых в праздничную одежду; мальчишек возле здания городской думы на Невском, которые ругали солдат. На Дворцовой площади уже никого не было, правда, вдоль дворца ещё стояли солдаты, видны были ружья в козлах, горящие костры и пара пушек. И в голову не приходило, что здесь была какая-то драма. Никаких следов крови на снегу Луговой с супругой не заметили. «Когда я вспоминаю теперь об этом, – писал он, – я вижу по себе, насколько далеки были петербуржцы в их огромном большинстве от того, чтобы считать не только неизбежным, но и просто даже возможным какое-либо серьёзное кровавое столкновение в этот день» [4. С. 199]. Из разговоров в толпе Луговой понял, что рабочие говорили, что царь должен был взять петицию от них, а ответить сразу его никто не просил. «А то наось – стрелять! За что, – спрашивается!» Два часа поездки по городу и на небольшом морозе, по выражению писателя, «возымели действие: застыли ноги». Боясь простуды, они вернулись домой. «Всё оказалось настолько спокойным, как бывает при разводе войск по окончании царского парада». Никаких потрясающих впечатлений не было [4. С. 202–203].

На следующий день, 10 января, страсти нарастали. Впечатления от рассказов очевидцев, по выражению Лугового, «стали нагромождаться». Слухи и рассказы – частью верные, частью ложные – попадали в газеты. Стало ясно, что манифестация носила мирный характер. Большое число пострадавших было со стороны любопытных зрителей, которые пытались пробить полицейские заслоны. Говоря о числе пострадавших, Луговой писал, что нельзя определить это число хотя бы приблизительно. Он заметил, что сегодня говорят о тысяче убитых и раненых, завтра число их вырастет в пять тысяч, послезавтра – в двенадцать тысяч. Конечно, тогда официальные данные ещё не были опубликованы, и Луговой писал только о том, что слышал. «Что ни день, то новые рассказы», – признавался он, делая вывод о том, что «при всём желании сомневаться, не смеешь больше оставаться глухим, чувствуешь, как нарастает в душе величайшее негодование» [4. С. 207]. Социал-демократическая пресса заявляла о тысячах убитых и раненых. Луговой отмечал, что недоверчиво относился как к официальным документам, так и к их опровержениям. «Только история в более или менее близком будущем установит более или менее точные цифры...». Он привёл данные «Правительственного вестника», где говорилось о 96 убитых и 333 раненых. Следует отметить, что эти цифры были близки к истине. От ран и давки в событиях 9 января погибло 93 человека.

Луговой посетил Обуховскую больницу, разговаривал с ранеными и вынес заключение, что демонстрация была исключительно мирной и, по мнению Лугового, «не было ни малейшей надобности прибегать не только к выстрелам, но и просто к грубой физической силе». Луговой назвал Гапона «истинным народным героем». Может быть, считал он, в этой массе рабочих и были «отдельные озлобленные личности» и даже «сознательные провокаторы», всё равно в общем светлом настроении этой массы сквозило стремление найти правду, а революционеры, как полагал Луговой, «понимали, что всякое покушение на особу царя в такую минуту могло бы только повредить делу свободы и оттолкнуть доверчивую толпу от её случайных вожakov. Эту ошибку самые безумные фанатики из революционеров никогда не могли бы сделать – так ясно это всем и каждому» [4. С. 218]. Поэтому Луговой считал, что ошибку сделали власти, и их действия нельзя оправдать. По мнению Лугового, в этот день могло произойти единение царя с народом. Правда, писатель ошибался. Императора в этот день в Петербурге не было. А революционерам важно было не царевубийство, а убийство веры в царя. Первые выстрелы прозвучали со стороны демонстрантов. Стреляли провокаторы-революционеры, которым надо было спровоцировать бойню, и Гапон был связан с эсерами-боевиками. Только когда пролилась кровь полицейских, огонь был открыт по толпе правительственными силами. Что касается Николая II, то он был очень удручён произошедшим в столице. Семьям пострадавших была оказана материальная поддержка. Но престиж государя и власти в глазах очень многих был серьёзно поколеблен.

Луговой оценивал происходящее как «ожидание наступления новой жизни», как обновление, как «роды свободы» [4. С. 209]. Его настроение было мрачным. «Расстрелянием мирной толпы в этот день была убита и поругана старая Русь, – заключал он. – Пусть кто хочет говорит, что с точки зрения успеха революционного движения – “это даже к лучшему”. Но я чувствовал, что мне в моей любви к родине, со всеми её сильными и слабыми сторонами, нанесён тяжёлый удар; и боль, которую я теперь испытывал, была сильнее отвлечённых соображений, что именно на этом кровавом событии воздвигается здание будущей свободы» [4. С. 214]. Луговой подчеркивал, что величие и слава Родины ему всегда были дороги, «но внимательное изучение окружающей меня жизни заставляло меня всё более и более убеждаться, что под трёхцветным знаменем “православия, самодержавия и народности” неумелые или недобросовестные руководители ведут русский народ к потере и международного его положения, и к физическому вырождению, и к духовной нищете... Но я не был революционером и в особенности не верил в водворение правды на земле и просвещения в умах путём насилия. Я не забывал, что насилие вызывает ответное насилие» [4. С. 215].

Луговой приветствовал манифест Николая II от 17 октября 1905 г. о введении демократических свобод, хотя и считал, что это была неизбежная уступка общественному мнению. «Всё, что было на Руси угнетённого или просто недовольного, все, кто свыклись со своим и общим бесправным положением, все вострепнулись, все подняли головы... Не раздумывая о том, откуда и как она идёт, радостно встретили они новую весть о свободе верить, мыслить, говорить, действовать. Веками укреплялась в них вера в могучий, недосыгаемый источник всех чаемых и ожидаемых на земле благ, и теперь, “воздавая Божие Богови, а кесарево кесарю”, они телом и духом поклонились своему

царю. Это для них раздалось царское слово» [6. С. 79]. Но те же, кто боролись за эту свободу всю жизнь, оценили царский манифест только как «брешь в неприступной стене». И в этом взаимном непонимании, по мнению Лугового, родилась «великая трагедия». Писатель предвидел, что царское послание не будет оценено должным образом, что оппозиция не использует возможность мирной трансформации России в демократическое государство и ещё туже завяжет клубок противоречий русской жизни. Луговой оказался прав. Так оно и произошло. И тем не менее в письме к известному юристу А.Ф. Кони Луговой назвал этот документ «первой победой русской интеллигенции над тёмными силами». Закончил письмо Луговой восклицанием: «Да здравствует свобода и все, кто так или иначе боролся за неё!» [9. С. 97].

События 1905–1907 гг. не могли не найти отражения в художественных произведениях писателя. Повесть «Наши дни. Семейная история» (1907) [6] рассказывала об одной семье во время революционных событий 1905–1906 гг., оценила ею совершавшихся событий. И хотя критика отмечала, что в повести прозвучала авторская позиция на события, и она, по мнению либеральной прессы, не отражает подлинную расстановку сил, но «дело не в объяснениях, а в вопросах, возбуждаемых повестью. Они интересны, художник подходит к ним с искренним желанием посылить их и этим одним уже завоёвывает симпатию читателя» [1. С. 364].

В этой повести А. Луговой показал себя блестящим мастером анализа внутреннего мира человека, который покидает свою социальную среду и становится на совершенно новый для него путь – революции. Психологические зарисовки писателя очень интересны и о многом могут поведать читателю, интересующемуся данной проблемой.

В центре повести – обычная дворянская семья Кукурановых, владеющая имением, доходы от которого ещё позволяют жить безбедно. Но уже прежние темпы потеряны; и кризис ощущается во всём, включая отношения с крестьянством. Молодое поколение уже мыслит другими категориями. Молодые люди – сын барина Всеволод и его друг Сергей Савельев – примкнули к революционному движению. В диалоге с сестрой Машей Всеволод рассказывает ей о своих революционных убеждениях, открывает ей своё решение уйти навсегда из дома и стать рабочим. Он убеждает сестру в том, что настала пора всей революционной интеллигенции не просто пропагандировать идеи социальной справедливости, а сделать решительный шаг к слиянию с рабочим классом. Только этот путь позволит реализовать цели революции. Все возражения Марии о том, что это деградация, что таким путём нельзя добиться свободы и справедливости, что в «сказочном царстве» не может измениться природа человека, Всеволод парировал тем, что в новом строе изменится сам характер труда и принцип распределения материальных и духовных благ. Не будет смысла сохранять и копить капиталы. Люди будут проживать то, что они создают. Каждый будет пользоваться благами всех, в том числе и достижениями культуры, и создавать их для всех. Поэтому, заключал Всеволод, «чем больше будет в рядах нового строя людей, которые подобно мне сознательно и добровольно отреклись от старого, тем легче, с меньшими болями, совершатся роды нового строя» [6. С. 29]. Его товарищ, Сергей, высказывал ещё более радикальные мысли о том, что нельзя будет обойтись и без уничтожения многих красивых сторон самой культуры, созданной на «торжестве сильных и бессердечных». «Пусть гнивает и гинет весь старый строй с его красотой!».

Всеволод открылся не только сестре, но и своей матушке, Софье Петровне. Она не понимала своего сына, менявшего карьеру и достаток на жизнь какого-то мастерового. В её голосе звучал страх за судьбу сына. Лучше бы он был картёжником и пьяницей, чем пропагандистом. Она даже намекнула на то, что сдаст его жандармам. Всеволод пытался убедить мать, что он наконец-то станет человеком, а не слугой режима.

Столкновения начались и с зятем Андреем Фёдоровичем, который вместе с матушкой затеял спор о роли евреев в истории России. Сторонникам «жидовского заговора» против России «пропагандист» противопоставил известную версию революционеров о роли евреев в русском освободительном движении, называя их «святыми мучениками за правду». А. Луговой достаточно подробно обрисовал позиции спорящих сторон, вовсе не отдавая предпочтение какой-то одной из них. В этом проявился объективный авторский подход писателя к тому, что было в действительности.

Всеволод и Сергей выехали на юг. Тем временем в имении Кукурановых начался крестьянский бунт. Крестьяне выступили против барских покосов на той земле, которая до реформы 1861 г. использовалась крестьянским обществом. После реформы крестьян оттеснили на болота. Мужики начали с порубки барского леса. Дальше – больше. Толпа появилась у господских хлебных амбаров, взломала замки, и закипела горячая работа. «Таскали кадками, мерами, ведрами, таскали в мешках, в подолах, мальчишки таскали в шапках и всё ссыпали в привезённые на телегах полога... Всё совершалось без заранее обдуманного намерения, без плана. Так вода, выступив из берегов и не имея определённого русла, растекается во все стороны» [6. С. 70–71].

Стихийный беспощадный бунт разливался всё шире. Начался грабёж барского дома, имущества из комнат, запасов из погребов. Снимали даже медные печные дверки, отвинчивали ручки у дверей и рам. Многие напивались барским вином и горланили песни. Софья Петровна и управляющий имением пытались бежать в город, чтобы вызвать отряд солдат и расстрелять толпу восставших, но оказались совершенно обескуражены всем совершающимся. Только через посыльных удалось довести до сведения губернатора о бунте, и вскоре отряд солдат уже подошёл к имению.

Сестра Всеволода, Зина, учившаяся в питерской гимназии, тоже испытывала на себе влияние новых революционных веяний. Она общалась с гимназистками, выходцами из низших сословий, и не без влияния брата стала всё больше тяготиться своим социальным происхождением, старалась быть вместе с униженными, оскорблёнными и обездоленными. Она пока не умела вести разговоров на революционную тему, не видела разницы между партиями эсеров и эсдеков, но в душе, в тайных помыслах она с каждым днём всё больше и больше горела нетерпением осуществить все те желанные свободы, речами о которых был насыщен, кажется, сам воздух Петербурга.

Софья Петровна, испуганная потерей сына, дрожала теперь за судьбу дочери, но крутые меры против её своеволия принимать не решалась. Мать никак не могла понять, как воспитанная под её опекой дочь могла заразиться таким революционным духом. Да и Зина до поры до времени не давала повода матери. Дочь испытывала какое-то двойственное настроение. С одной стороны, все её помыслы, всё сочувствие было на стороне тех, кто желает разрушить старый мир со всеми его атрибутами, с другой – она всё ещё боялась разрушить свой семейный очаг, рассеять иллюзии любящей её матери. Но революционное

начало усиливалось, особенно после общения с подружкой, готовой пойти на любое дело по приказу партии эсеров. Она сказала Зине: «В решительный момент, когда я сознала бы, что от моего выбора между спокойствием матери и будущностью целого народа зависит удача или неудача какого-нибудь массового выступления, я бы, конечно, ни на минуту не задумалась, что мне делать» [б. С. 93]. Эти слова были сказаны эсеркой без всякого пафоса, но с такой твёрдостью убеждения, что Зина точно застыла, когда та замолчала. Поцеловав подругу, Зина сказала ей: «Да!»

В октябрьские дни 1905 г. Зина попала на партийное собрание, где впервые услышала партийных пропагандистов. Каждый говорил о гнёте труда капиталом и страстно призывал с оружием в руках добыть желанную свободу. Зина слилась с единым потоком борцов за свободу. Она многое не понимала, не могла понять, чем национализация отличается от социализации, но она верила в то, что эти люди говорят искренно и проникновенно, на их стороне настоящая правда. Устроить всеобщее счастье – разве может быть что-то более важное и значительное?! Зина готова была в эту минуту пойти на какой угодно подвиг, чтобы осуществить тот земной рай, который был обещан ораторами, в наступлении которого не могло быть никаких сомнений. Это были герои, которые прокладывали своей грудью дорогу в «царство свободы». Зина чувствовала только одно: куда бы ни пошла сейчас эта толпа, она пойдёт за ней. «Ей рисовался в далёком грядущем какой-то неопределённый мираж без ясных очертаний, без красок, мираж чего-то светлого, радостного, звучащего ей гармонией, веющего на неё чистым дыханием горных вершин» [б. С. 99]. А. Луговой в образе Зины воспроизвёл тот революционный ореол, который витал в сердцах и душах многих молодых людей, окунувшихся в горнило революционной бездны. При этом, как показывает писатель, преобладала вера в свободу и революцию как единственное средство искупления, а конкретные шаги к этому и, главное, как построить «царство свободы», никто не знал. Чувство преобладало над разумом.

17 октября 1905 г. вышел царский манифест. Зина узнала о нём дома от горничной. Она обрадовалась, прочитав текст манифеста в «Правительственном вестнике», поскольку там говорилось о свободе и правах граждан. Приехав к подружке в радостном настроении, Зина увидела, что у той не радость, а скорее раздражение и тревога. Подруга заговорила о манифесте, и Зина вдруг почувствовала себя неграмотной. Как она не смогла разобраться в том, что так ясно говорила её подружка. Она всё время подчёркивала, что это уловка царя, что никакой свободы не будет, надо продолжать борьбу, объединяться и вступать в сражение с властями. Зина не знала этого пути, но какой-то внутренний голос ей подсказывал, что надвигаются важные события и она будет вместе с ними.

В Питере начались стихийные демонстрации. Зина с подружкой оказалась в числе революционных демонстрантов, которые с пением «Марсельезы» двигались на Невский, призывая к вооружённому восстанию. И вдруг по толпе раздался выстрелы. Но это не остановило демонстрантов. Зина не боялась выстрелов и шла в первых рядах. Готовность пожертвовать собой овладела всем её сознанием. Грянули новые выстрелы. Зазвенели стёкла фонаря. Мёртвым упал студент, а затем и Зина опустилась бездыханной на асфальт. Большинство демонстрантов в панике расходились и разбежались кто куда.

Заключительная глава повести представляет собой откровения революционеров Всеволода Кукуранова и Сергея Савельева, которые возвращались

с Дона и Кавказа, где выполняли революционные задания. Оба оказались на пароходе «Общества по Волге», «Боярыня», и следовали из Царицына: один – до Саратова, другой – до Нижнего. Любуясь красотами весенней Волги, они мало говорили, не обменивались мнениями о своих действиях. Оба чувствовали, что у них нет прежнего энтузиазма, прежней уверенности в себе, в своих теориях и представителях своей партии. Однако под воздействием развёртывавшихся с борта парохода картин великой реки России товарищи перешли к откровенному разговору. Студент Савельев первым заявил, что своими действиями мы разрушаем культуру старого строя вместо того, чтобы приспособить её к себе и самим приспособиться к ней, так как ещё вопрос, что дадим взамен её, что построит «новый царь мира – пролетариат». Всеволод сначала ничего не ответил, но, наблюдая за проходящими пароходами с именами русских писателей, признался: «На Волге я всегда чувствую себя страшно русским». Савельев был участником московского вооружённого восстания 1905 г., и перед ним всплывали трагические картины произошедшего. Он вспоминал, с каким хладнокровием революционные комитеты посылали боевые дружины на бойню, а правительственные войска беспощадно избивали восставших. «Как могли мы подумать, что войска будут на нашей стороне?! Террор правительственный, – рассуждал Савельев, – питает революцию, террор революционный истощает её. О, как хотелось бы чего-то другого, светлого, умиротворяющего! Наши революционные стратеги оказались плохими психологами. Если революция на нелепый террор правительства не может ответить ничем, кроме террора, её дело сведётся к нулю» [б. С. 132–133]. Всеволод тоже думал о насилии, вспомнил о судьбе своей сестры, Зины. Стоявший на палубе рядом молодой человек, представившись приказчиком лесопромышленника и перегонявший плоты по Волге до Царицына, услышав их разговор, деликатно намекнул, что революция в России делается неправильно, «по-мужицки», по принципу «лес рубят – щепки летят». А если бы эту революцию взяли в свои руки люди практичные, торговые, то всё пошло бы по-другому. С умом всё делать надо, на пользу отечества. Сергей и Всеволод, выслушав собеседника, пришли к общему выводу: «А ведь он прав! Нельзя западные теории, в том числе и социалистические, сколь привлекательными бы они не являлись, брать на вооружение и бездумно внедрять в жизнь. Но как теперь быть? Отречься от всего того, чем занимались, что проповедовали?» Товарищи согласились, что события 1905 г. имели и свою положительную сторону. Русское общество встряхнулось, совершился подъём народного духа, что все стали другими. Но в успех этой революции они не верят. «На Руси ещё невозможно сейчас осуществить социальные теории чрез народ. У русской революции не хватало диктатора... В этом – её народное величие, но в этом же её слабость... Безумно стремиться к недостижимому. Партиям пора заключить общий мир. Третьейским судом станет Дума или свободная печать. Кровавая борьба с той и с другой стороны бесцельна. Остановитесь! Вот что иногда хочется сказать и чужим, и своим» [б. С. 152–153].

Пароход причалил к саратовской пристани. Выйдя на берег, Сергей и Всеволод были арестованы полицией. Пока на пароходе они решали судьбы России, их судьба уже была решена наблюдениями за ними двух агентов тайной полиции. Пристав, арестовавший товарищей и изъявший у Савельева пистолет, не вступал с ними ни в какие разговоры. Но его взгляд без слов говорил им: «Теперь на нашей улице праздник!».

Выводы. Алексею Алексеевичу Тихонову-Луговому не удалось увидеть исход всей этой непримиримой борьбы. Он отошёл в мир иной в октябре 1914 г. Россия пережила смуту 1905–1907 гг., но впереди была Великая российская революция, за которой неизбежно последовала кровопролитная Гражданская война. Но всё, о чем писал и говорил писатель в начале XX в., оказалось пророческим. Через личные впечатления и художественные образы, навеянные событиями 1905–1907 гг., А. Луговой поведал русскому читателю драматическую историю неизбежности того «русского бунта», который опрокинет Россию в бездну. Выход из неё он видел в диалоге между властью и обществом, в умении общественных сил поддержать прогрессивную волю императора и постепенно обустроить Россию на благо и общества, и государства.

Литература и источники

1. *Вл. Кр.* Критика и библиография: Луговой А. Наши дни. Семейная история. СПб., 1910; Луговой А. Девичье поле. Повесть. СПб., 1910 // Современный мир. 1911. № 1. С. 363–364.
2. *Грaбарь И. Э.* Моя жизнь. Автобиография. М.; Л.: Искусство, 1937. 375 с.
3. *Луговой А.* Максимилиан – император мексиканский. Политическая трагедия. Пролог. Картины 1-я и 2-я // Маяк. Литературно-публицистический сборник. СПб., 1906. С. 1–165.
4. *Луговой А.* Дневник свободного человека // Маяк. Литературно-публицистический сборник. СПб., 1906. С. 185–239.
5. *Луговой А.А.* Листки из автобиографии // Нива. 1909. № 6. С. 114–117.
6. *Луговой А.* Наши дни. Семейная история. СПб., 1910. 158 с.
7. *Ляцкий Е.А.* Памяти А.А. Лугового // Голос минувшего. Журнал истории и истории литературы. 1914. № 12. С. 258–264.
8. *Стариков С.В.* Русские писатели Алексей Луговой и Владимир Тихонов (Историко-литературные очерки о знаменитых царевкокшайцах). Йошкар-Ола: ООО ИПФ «Стринг», 2022. 404 с.
9. *Хрисанфов В.И.* Лужский затворник. Страницы жизни русского писателя А.А. Тихонова-Лугового. СПб.: «Скифия-принт», 2009. 240 с.

СТАРИКОВ СЕРГЕЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Марийский государственный университет, Россия, Йошкар-Ола (sv.starikov@yandex.ru).

Sergey V. STARIKOV

THE REVOLUTION OF 1905–1907
 IN THE ASSESSMENTS OF THE RUSSIAN WRITER A.A. TIKHONOV-LUGOVOY
 (based on the materials of the «Diary of a Free Man» and literary works)

Key words: *revolution, writer, social movement, emperor, Russia, manifesto, government, society.*

The attitude of the Russian literary intelligentsia to the revolutionary events in Russia at the beginning of the XX century remains an urgent problem of Russian historiography. This is largely due to the introduction in scientific circulation of new historical and literary materials, memoirs, and testimonies, which enable to examine in a more detailed way the range of opinions and assessments made by the Russian writers concerning the revolutionary processes in the country.

The purpose of the research is to study the views and assessments of the events of the First Russian Revolution of 1905–1907 made by a Russian writer A.A. Tikhonov-Lugovoy based on the «Diary of a Free Man» written by him and a number of literary works that reflected the features and specifics of that revolutionary era.

Materials and methods. *The sources were the writer's publications of the early XX century, first of all, the only issue of the literary and journalistic album «Mayak» published by him, where the «Diary of a Free Man» was published, as well as a dramatic poem in verse «Maximilian – the Emperor of Mexico» and a number of literary works of the writer. The main methods were historicism, objectivity, analysis and synthesis of materials from literary sources and social and political essays.*

Research results. The Russian literary intelligentsia has always responded to the events taking place in the country. At the same time, Russian writers sought to comprehend the inner sources and causes of events and processes, the psychological and moral background of decision-making, positions of the power and social forces. A.A. Tikhonov-Lugovoy was distinguished by the fact that in his work, like no other, he sought to determine the deep socio-psychological characteristics of «the liberation movement heroes» and was one of the few who warned that an uncompromising struggle between the government and the social movement could lead the country to disaster. The writer called for a dialogue between the government and the society. He saw the key to further prosperous and progressive development of the country in the ability of public forces to support the progressive will of the emperor and gradually equip Russia for the benefit of both the state and the society.

Conclusions. Despite the sound positions of a number of public figures, including the Russian literary intelligentsia, the vector of the social movement tended to sharply oppose the government and the «liberation movement», which ultimately led the country to revolution.

References

1. VI. Kr. *Kritika i bibliografiya: Lugovoi A. Nashi dni. Semeinaya istoriya*. St. Petersburg, 1910; *Lugovoi A. Devich'e pole. Povest'*. St. Petersburg, 1910 [Criticism and bibliography: A. Lugovoy. Our days. Family history. St. Petersburg, 1910; A. Lugovoy. Maiden field. Novella. St. Petersburg, 1910], *Sovremenniy mir*, 1911, no 1, pp. 363–364.
2. Grabar' I. E. *Moya zhizn'. Avtomonografiya* [My life. Autobiography]. Moscow, Leningrad, Iskusstvo Publ., 1937, 375 p.
3. Lugovoi A. *Maksimilian – imperator meksikanskii. Politicheskaya tragediya. Prolog. Kartiny 1-ya i 2-ya* *Mayak. Literaturno-publitsisticheskii sbornik* [Maximilian – Emperor of Mexico. A political tragedy. The prologue. Paintings 1st and 2nd]. St. Petersburg, 1906, pp. 1–165.
4. Lugovoi A. *Dnevnik svobodnogo cheloveka* [Diary of a free man]. *Mayak. Literaturno-publitsisticheskii sbornik*. St. Petersburg, 1906, pp. 185–239.
5. Lugovoi A.A. *Listki iz avtobiografii* [Sheets from autobiography]. *Niva*, 1909, no 6, pp. 114–117.
6. Lugovoi A. *Nashi dni. Semeinaya istoriya* [Our days. Family history]. St. Petersburg, 1910, 158 p.
7. Lyatskii E.A. *Pamyati A.A. Lugovogo* [In Memory of A. A. Lugovoy]. *Golos minuvshogo. Zhurnal istorii i istorii literatury*, 1914, no. 12, pp. 258–264.
8. Starikov S.V. *Russkie pisateli Aleksei Lugovoi i Vladimir Tikhonov (Istoriko-literaturnye ocherki o znamenitkh tsarevokokshaysakh)* [Russian writers Alexey Lugovoy and Vladimir Tikhonov (Historical and literary essays on the famous tsarevokokshaytsy)]. *Yoshkar-Ola*, 2022, 404 p.
9. Khrisanfov V.I. *Luzhskiy zatvornik. Stranitsy zhizni russkogo pisatelya A.A. Tikhonova-Lugovogo* [The Luga recluse. Pages of the life of the Russian writer A.A. Tikhonov-Lugovoy]. St. Petersburg, Skifiya-print Publ., 2009, 240 p.

SERGEY V. STARIKOV – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Russian History, Mari State University, Russia, Yoshkar-Ola (sv.starikov@yandex.ru).

Формат цитирования: Стариков С.В. Революция 1905–1907 годов в оценках русского писателя А.А. Тихонова-Лугового (по материалам «Дневника свободного человека» и литературных произведений) // Вестник Чувашского университета. 2024. № 3. С. 168–179. DOI: 10.47026/1810-1909-2024-3-168-179.